

Игнатъев Алексей Алексеевич

**Священник Евгений
Федорович Сосунцов и его
литературно-педагогическая
деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Алексеевич И.**
Священник Евгений Федорович Сосунцов и его литературно-педагогическая
деятельность / Игнатьев Алексей Алексеевич – М.: Книга по Требованию,
2022. – 160 с.

ISBN 978-5-519-86778-8

ISBN 978-5-519-86778-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Вмѣсто предисловія.

Личность священника Евгенія Феодоровича Сосунцова, какъ стойкаго и убѣжденнаго борца за научную постановку преподаванія Закона Божія, далеко незаурядна среди педагоговъ вообще, а не только среди законоучителей. Его идеи и труды въ области методики законоучительства заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія и подробнаго изученія.

Какъ пастырь о. Евгенийъ имѣетъ пока значеніе лишь для своего города, а какъ законоучитель—для всей Россіи. Благодаря своей выдающейся литературно-педагогической дѣятельности, онъ является въ настоящее время учителемъ законоучителей не только со среднимъ богословскимъ образованіемъ, но и для лицъ, прошедшихъ высшую духовную школу. Нѣкоторые изъ законоучителей дѣлать свою дѣятельность на двѣ части—до знакомства съ взглядами о. Сосунцова и послѣ ознакомленія съ ними. Самъ онъ, по случайнымъ обстоятельствамъ, не получилъ высшаго богословскаго образованія, но, благодаря своей любознательности, своимъ природнымъ способностямъ и своему трудолюбію, приобрѣлъ такую широкую освѣдомленность въ разныхъ областяхъ духовной и свѣтской науки и такой широкій умственный кругозоръ, какого достигаютъ далеко немногіе изъ интеллигентныхъ лицъ.

Въ своихъ педагогическихъ и духовно-публицистическихъ произведеніяхъ о. Сосунцовъ съ одинаковой свободой черпаетъ матеріалъ изъ богословія, изъ анатоміи, изъ литературы, изъ біологіи, изъ исторіи, изъ физики и обнаруживаетъ рѣдкое остроуміе въ сопоставленіяхъ и выводахъ. Своими соображеніями онъ доставляетъ удовлетвореніе даже специалистамъ, пробуждая въ нихъ такія мысли и наталкивая на такіе вопросы, какіе имъ не приходили прежде на умъ.

Взгляды о. Евгенія на дѣло религіозно-нравственнаго воспитанія настолько свѣжи и жизненны, что всякій мыслящій и жаждущій истины законоучитель, познакомившись однажды съ ними, не можетъ ихъ игнорировать и даже просто забыть. Съ ними можно не соглашаться, ихъ можно оспаривать, но нельзя отнестись къ нимъ равнодушно. Весь духовный обликъ о. Евгенія таковъ, что онъ вездѣ и всюду будитъ все живое, или, по выраженію одного изъ его почитателей „не даетъ угасать духу“. Такое вліяніе на окружающую среду зависитъ оттого, что о. Евгенийъ живетъ не однимъ умомъ, что въ немъ развиты гармонично и сердце, и воля, а потому каждое его слово дышитъ искренностью, правдивостью и убѣжденностью.

Мы не будемъ подробно говорить о дѣятельности о. Евгенія вообще, хотя о ней сказать можно было бы многое, а въ настоящей книжкѣ коснемся лишь его педагогическихъ трудовъ, которые могутъ войти въ жизнь далеко еще не скоро и нуждаются въ значительномъ времени для усвоенія и уясненія большинствомъ законоучителей. Несомнѣнно, впослѣдствіи они будутъ казаться простыми и естественными, но пока еще ждутъ своего признанія со стороны большинства, постепенно приобрѣтая сторонниковъ. Это и понятно. О. Евгенийъ—педагогъ отъ рожденія. Его идеи получены имъ не совнѣ, не въ видѣ „головного убѣжденія“, какъ выражался Ѳ. М. Достоевскій, а выношены и выстраданы въ собственномъ сердцѣ. Мысль и жизнь—для него однозначущи. Все, что онъ высказываетъ въ своихъ рѣчахъ

и сочиненіяхъ, дѣйствительно усвоено имъ и составляетъ органическую принадлежность его духа. Оттого сочиненія и особенно лекціи о. Евгенія притягиваютъ къ себѣ вниманіе читателей и слушателей и заставляютъ усиленно биться ихъ сердца.

Являясь самобытнымъ русскимъ человѣкомъ, онъ хочетъ и дѣло просвѣщенія поставить на русскую самобытную почву, пронизать его самобытнымъ православно-русскимъ характеромъ. Истинно русская душа давно уже болѣетъ за недуги русской школы, русской по имени, но прусско-саганской по существу. Чуждая русскому національному прошлому и духу христіанской свободы, нѣмецкая гербартіанская система вызвала справедливыя жалобы такихъ свѣточей воспитанія, какъ К. Д. Ушинскій, В. Я. Стоюнинъ, С. А. Рачинскій, но и ихъ голосъ остался неслышнымъ, а сами борцы за русское просвѣщеніе потерпѣли не мало непріятностей. Уже если гдѣ прискорбно нѣмецкое вліяніе, то въ постановкѣ преподаванія Закона Божія. А онъ какъ разъ всего болѣе и пропитанъ нѣмецкимъ духомъ. Обаяніе системы многознанія, сухого заучиванія всевозможныхъ формулъ и опредѣленій, съ дробнымъ дѣленіемъ каждаго религіознаго понятія, пренебреженіе воспитаніемъ воли и чувства дѣтей остаются въ силѣ и до настоящей поры, хотя противъ этой схоластики рѣзко выражался даже такой консервативный человѣкъ, какимъ былъ К. П. Побѣдоносцевъ. Противъ сухости и буквоѣдства въ преподаваніи еще задолго до начала страшной войны говорилъ и писалъ о. Сосунцовъ, хотя и шелъ противъ общаго теченія. Но время—лучшій судья достоинства мыслей и идей. Отъ души желаемъ нашему собрату достиженія поставленной имъ себѣ задачи, согласной съ мыслями о воспитаніи, высказанными святыми отцами и учителями православной церкви. Ради уясненія и раскрытія этихъ началъ религіознаго воспитанія наибольшему числу законоучителей начальныхъ школъ, не всегда имѣющихъ возможность разбираться въ педагогическихъ теченіяхъ, мы и выпускаемъ настоящую книгу. Внѣшнимъ побужденіемъ для этого дѣла послужило исполнившееся 5 ноября 1915 года двадцатипятилѣтіе служенія Е. Ѳ. Сосунцова въ санѣ священника.

Составитель.

I. Наслѣдственность.

Священникъ Евгеній Теодоровичъ Сосунцовъ родился 27 января 1870 года. Отецъ его, священникъ Теодоръ Аникитичъ Сосунцовъ, также происходилъ изъ духовной семьи.

Духовный родъ Сосунцовыхъ, подъ разными фамиліями—Михайловыхъ, Тимофеевыхъ, Флѣоринскихъ, ведетъ свое начало приблизительно съ первыхъ годовъ 18 столѣтія. Этотъ родъ пастари принадлежалъ къ Мамадышской, какъ называли прежде, округъ Казанской епархіи. Какъ и большинство русскихъ сельскихъ духовныхъ родовъ, родъ Сосунцовыхъ на протяжении своего двухвѣкового существованія не выдѣлилъ изъ своей среды почти ни одного выдающагося въ какомъ либо отношеніи дѣятеля: во всемъ родствѣ этого семейства до сихъ поръ былъ только одинъ протоіерей и три человека съ высшимъ образованіемъ—юристъ, ветеринаръ и студентъ духовной Академіи. Родоначальникомъ настоящей фамиліи Сосунцовыхъ былъ дядекъ Аникита Теодоровичъ Сосунцовъ. Онъ, хотя и обучался во второмъ отдѣленіи „бывой Казанской Академіи“ (по реформѣ начала XIX вѣка) и былъ, такимъ образомъ, нѣкоторое время „студентомъ Академіи“, но всю свою жизнь прослужилъ только въ должности пономаря и псаломщика, не имѣя права на движеніе впередъ вслѣдствіе своего второбрачія. Въ вышеуказанныхъ должностяхъ А. Т. Сосунцовъ, дѣдъ о. Евгенія, прослужилъ 62 года.

По матери о. Евгеній также происходитъ изъ духовной фамиліи—Алексѣевскихъ. Этотъ родъ предковъ о. Евгенія былъ, видимо, болѣе талантливымъ, чѣмъ родъ его отца. Дѣдъ о. Евгенія по матери—священникъ Александръ Михайловичъ Алексѣевскій писалъ небольшія статьи и замѣтки объ инородцахъ Казанскаго края въ „Извѣстіяхъ по Казанской епархіи“. Такая работа въ половинѣ 19 вѣка для сельскаго священника была далеко незаурядною. Возможно поэтому, что сѣмьячко писательства, пробивавшееся у упомянутаго здѣсь дѣда о. Евгенія, подъ вліяніемъ новыхъ обстоятельствъ времени, разраслось во внука.

Отъ того же своего дѣда, священника А. М. Алексѣевскаго, о. Евгеній унаслѣдовалъ и свою другую характерную черту—говорить правду, въ зависимости отъ лицъ, обстоятельствъ мѣста и времени. О дѣдѣ о. Евгенія до сихъ поръ сохраняется между родственниками воспоминаніе, какъ о человѣкѣ безусловно честномъ, правдивомъ и говорившемъ правду всѣмъ прямо въ глаза. Такъ, при ревизіи годового отчета Духовной Семинаріи ревизоръ ея хозяйственной части отъ духовенства Казанской епархіи—священникъ Алексѣевскій обратилъ вниманіе на то, что 110 воспитанниковъ Семинаріи въ теченіе одного года, какъ было вычислено имъ по семинарскимъ вѣдостямъ расхода по содержанію воспитанниковъ, съѣли три пуда перцу и пять пудовъ горчицы. Подвергнувъ это сомнѣнію, священникъ Алексѣевскій прямо, и по тому времени, весьма смѣло, указалъ на малую вѣроятность подобнаго расхода о. Ректору. Начальство Семинаріи въ лицѣ о. Ректора, конечно, обидѣлось и пожаловалось на „непочтительнаго“ ревизора Преосвященному. Въ результатъ этой жалобы, о. ревизоръ Алексѣевскій былъ вызванъ къ Архіепископу и получилъ внушеніе, что ректоръ семинаріи не какой

нибудь лавочникъ, и что дѣлать ему указанія въ открытой формѣ по меньшей мѣрѣ неприлично.—Были за о. Алексѣевскимъ и другія подобныя вины, въ особенности предъ всесильнымъ тогда въ Казани кафедральнымъ протоіереемъ и несмѣняемымъ членомъ Духовной Консисторіи, наводившимъ страхъ на все духовенство епархіи. Но о. Алексѣевскій и такому сильному человѣку епархіи не стѣнялся и не боялся высказывать иногда горькую правду.

Отъ своего отца о. Евгеній унаслѣдовалъ другую симпатичную черту своего характера—это постоянное довольство всякими достоинствами. Село Хотня Казанскаго уѣзда, гдѣ о. Евгеній родился и гдѣ пробѣжали первые годы его дѣтства въ семьѣ отца, была и остается до сихъ поръ однимъ изъ самыхъ бѣдныхъ приходовъ Казанской епархіи. Въ такомъ бѣдномъ приходѣ епархіи священникъ Теодоръ Аникитичъ Сосунцовъ прослужилъ 17 лѣтъ, и, можетъ быть, прожилъ бы тамъ до самой своей смерти, если бы это плохое въ матеріальномъ отношеніи мѣсто священника не понадобилось духовному начальству въ качествѣ мѣры взысканія для одного опустившагося въ нравственномъ отношеніи вдоваго священника. Епархіальное начальство предложило о. Теодору помѣняться мѣстами съ наказуемымъ, нынѣ уже покойнымъ, священникомъ и, такимъ образомъ, перемѣстило его въ село Селенгуши Ланьевскаго уѣзда. Но о. Теодоръ, получивъ хорошей прихотъ, скоро его „распустилъ“, и онъ сдѣлался опять для священника бѣднымъ. Причиной этого служило то обстоятельство, что о. Теодоръ, соотвѣтственно своимъ пастырскимъ идеямъ, никогда и ни съ кого никакой платы не требовалъ, никакой таксы на требы, какъ это дѣлалось и дѣлается духовенствомъ въ большинствѣ случаевъ, не устанавливалъ, а всегда довольствовался тѣмъ, что ему за трудъ прихожане давали сами. Эта черта довольства добродѣтельнымъ даяніемъ и даже, болѣе того, умѣнье чувствовать себя богатымъ при самыхъ ограниченныхъ средствахъ передались и о. Евгенію, и онъ священствуетъ уже двадцать седьмой годъ въ одномъ изъ самыхъ бѣдныхъ приходовъ Казани. Но среди собратій онъ слыветъ за человѣка далеко не обездоленнаго, и никогда не жалуется на скудость содержанія, подобно весьма и весьма многимъ болѣе обеспеченнымъ лицамъ духовнаго званія. Будучи всегда довольнымъ, о. Евгеній и наружно всегда благодушенъ при людяхъ и въ особенности съ дѣтьми. Эта постоянная веселость также унаслѣдована имъ отъ отца, а ласковость и любовь къ дѣтямъ отъ дѣда по матерп.

Такимъ образомъ въ о. Евгенію сочетались не только худыя стороны двухъ фамилій, какъ это перѣдко наблюдается между людьми, но слылись и лучшія качества. На основахъ этой наследственности и подъ влияніемъ обстановки выработалась довольно оригинальная личность о. Сосунцова, хотя воспитаніе и должно было бы сгладить многія оригинальныя черты въ немъ. Но, очевидно, наследственность оказалась довольно стойкой и выдержала натискъ съ успѣхомъ.

2. Первоначальное воспитаніе.

Дѣтство о. Евгенія протекло въ родной семьѣ: съ 1870 г. по 1876 г. въ селѣ Хотнѣ Казанскаго уѣзда и съ 1876 г.—въ селѣ

Селенгушахъ Лаишевскаго уѣзда. Семья о. Θεодора Сосунцова, какъ видно изъ его некролога, представляла въ свое время въ духовной средѣ весьма рѣдкое исключеніе—въ ней совершенно не было той грубости, которая была такъ характерна для нашего духовенства въ началѣ второй половины прошлаго вѣка. Самъ о. Θεодоръ, отецъ о. Евгенія, не смотря на свою бѣдность, находился въ постоянной близости къ мѣстнымъ помѣщикамъ, державшимся тогда идеальныхъ стремленій людей шестидесятыхъ годовъ XIX столѣтія. Этихъ стремленій не чужды были и о. Θεодоръ; они то и роднили его духовно съ семействами нѣкоторыхъ изъ помѣщиковъ. Въ атмосферѣ реформировавшагося помѣщичьяго быта и развивались симпатіи семьи Сосунцовыхъ. Въ результатѣ этихъ вліяній послѣдняя оказалась для духовной среды весьма мягкой, воспитанной въ лучшихъ традиціяхъ того времени, какъ среды помѣщичьей, такъ и духовной. Отъ природы демократичная, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, семья Сосунцовыхъ была очень близка къ тягловому крестьянскому сословію и постоянно раздѣляла въ своей жизни его тяготы. Въ семьѣ о. Θεодора можно было видѣть и барина и крестьянина, и не по дѣлу только, а для душевной бесѣды. И самъ о. Θεодоръ со своимъ семействомъ не стѣснялся быть въ гостяхъ у помѣщика, не чуждался и хлѣба-соли у крестьянина. Двѣ дочери о. Θεодора были постоянными гостями въ барской семьѣ, но единственный сынъ его Евгеній росъ почти дичкомъ. Роскоши барскихъ „хоромъ“ онъ предпочиталъ пріятныя поля и просторъ деревенскаго приволья; обществу чистенькихъ по наружному виду, но часто не искреннихъ и не чуждыхъ эгоизма, барскихъ дѣтей—общество крестьянскихъ ребятишекъ, грязныхъ по одеждѣ, но чистыхъ и откровенныхъ по мыслямъ и чувствамъ, чуждыхъ напускной барской сентиментальности, но жалостливыхъ и сострадаательныхъ къ дѣйствительному горю. Вотъ какъ свое отношеніе къ барскимъ дѣтямъ въ юности характеризуетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ знакомымъ о. Евгеній. „Въ возрастѣ 4 или 5 лѣтъ, пишеть онъ здѣсь, меня привели на барскій дворъ и отдали въ распоряженіе Кокки, Секи, Воли и еще какихъ то мальчиковъ съ престрашными для меня именами, совсѣмъ не похожими на Микитку, Миколку и Сергуньку. Прежде всего для меня показалось страннымъ, зачѣмъ тутъ мѣшастся взрослый человѣкъ. Въ игрѣ Сека заспорилъ совершенно неправильно. Я заявилъ ему, что кто „жиплить“, тотъ изъ игры вонъ. Сека заплакался. Гувернантка вступилась за него и поставила вновь „жиплду“ въ игру. Я противодѣйствовалъ, а Сека назвалъ меня „деревенскимъ мальчишкой“. Тогда я пхнулъ Секу въ колѣнику, безъ оглядки убѣжалъ съ барскаго двора и больше тамъ не бывалъ“. Все это произошло въ с. Хотинѣ Казанскаго уѣзда, т. е. въ самомъ раннемъ дѣтствѣ о. Евгенія, но о. Евгеній не забылъ объ этомъ случаѣ до настоящаго момента. „Этотъ случай, пишеть онъ далѣе въ вышеупомянутомъ письмѣ, почему то рѣзко запечатлѣлся въ моей памяти, и я думаю, что всякій непосредственный мальчикъ поступилъ бы на моемъ мѣстѣ точно также. —во имя попоранной правды, которая для дѣтей въ игрѣ столь же важна, какъ и въ политикѣ для древняго римлянина“. Поступокъ этотъ, конечно, нельзя назвать христіанскимъ, но онъ не былъ проявленіемъ насилия, такъ какъ физическая сила была безусловно на сторонѣ „Секи“.

Въ 1876 году о. Теодоръ Сосуновъ, какъ замѣчено было выше, переселился по волѣ епархіальнаго начальства на новое мѣсто жительства—въ с. Селенгуши Ланшевскаго уѣзда. Это село стоитъ на р. Мещѣ. Близость небольшой, извилистой и нѣсколько меланхоличной по отсутствію здѣсь лѣсовъ рѣки Мещи, окаймленной рамкой луговъ, несомнѣнно, оказала свое дѣйствіе на мальчика и развила въ немъ любовь къ поэзіи и музыкѣ. Впослѣдствіи дѣйствительно, о. Евгеній обнаружилъ какъ умѣніе владѣть разбѣренной рѣчью, такъ и способность къ поэтическому творчеству. Послѣдняя, какъ увидимъ дальше, выразилась у о. Евгенія въ составленіи двухъ книжекъ рассказовъ изъ дѣтской жизни, въ книжкѣ стихотвореній и въ поэмѣ „Антихристъ“.

Съ осени 1876 г., т. е. 5½ лѣтъ, маленькій поповичъ поступилъ учиться въ селенгушское земское училище. Первымъ его учителемъ былъ земскій народный учитель. Въ селенгушской школѣ учителемъ тогда служилъ, скончавшійся въ 1916 г., Василій Михайловичъ Леонтьевъ, окончившій свое образованіе только въ уѣздномъ училищѣ, но любившій свое дѣло, а потому и пополнявшій свое образованіе постояннымъ чтеніемъ. Главнымъ же его достоинствомъ было то, что онъ отъ природы вмѣщалъ въ себя даръ учительства, былъ учителемъ своихъ питомцевъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ его ученики безъ труда осиливали азбуку, по новой тогда звуковой методѣ, и подъ его руководствомъ съ увлеченіемъ читали по книжкѣ Унинскаго „Родное слово“ занимательныя статейки, побуждавшія ребятнишекъ къ ученю и тинувшія въ школу даже малолѣтокъ.

Законоучителемъ школы былъ мѣстный священникъ—о. Теодоръ Сосуновъ. При преподаваніи дѣтямъ Закона Божія онъ главное вниманіе обращалъ на воспитательную сторону, а потому и старался прежде всего вселить въ склонныхъ къ ссорамъ дѣтяхъ миролюбіе. Предъ началомъ урока, а иногда и послѣ занятій въ школѣ непрестанно раздавался высокій тенорокъ батюшки, призывающій дѣтей къ совмѣстной христіански-братской жизни. „А вы, дѣтки, обращаете обычно законоучитель къ ссорящимся, помиритесь, поцѣлуйтесь“. И дѣло сейчасть же налаживалось: дѣти просили другъ у друга прощенія, мирились и въ знакъ этого цѣловались. Это, впрочемъ, происходило въ томъ случаѣ, если виноватыми были обѣ ссорящихся стороны. Въ томъ же случаѣ, когда вина въ ссорѣ падала на одну сторону, батюшка убѣждалъ просить прощенія только эту виноватую сторону. „Проси у него прощенія“, говорилъ о. Теодоръ виновнику дѣтской ссоры. Послѣдній не смѣлъ преколовить батюшкѣ, шелъ съ повинною къ обиженному, просилъ у него прощенія, и дѣтскій миръ въ школѣ воцарялся опять на долгое время.

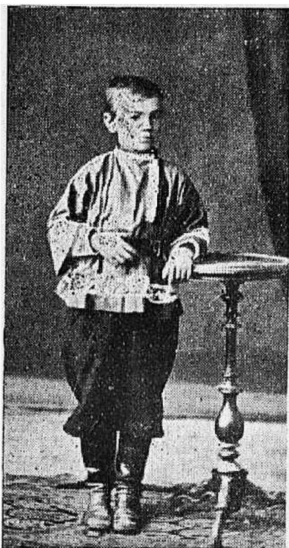
Сила воздѣйствія законоучителя на своихъ питомцевъ у о. Теодора заимѣла отъ его общаго духовнаго облика, въ которомъ было много дѣтекаго незлобія, простоты и непосредственности. Эти черты передались и о. Евгенію, но онъ переработалъ въ немъ подъ влияніемъ обилія умственныхъ интересовъ въ знаніе дѣтской психики и въ умѣнье понимать всѣ тонкія движенія дѣтской души, въ умѣнье говорить съ дѣтьми на понятномъ для нихъ языкѣ.

Учебникомъ Закона Божія для школьниковъ тогда была въ Селенгушской школѣ, какъ вѣроятно, и во всѣхъ земскихъ школахъ Лаишевскаго уѣзда, книга прот. Дм. Соколова—„Начальное наставленіе въ православной вѣрѣ, составленное въ объемѣ курса начальныхъ училищъ и приготовительнаго класса среднихъ учебныхъ заведеній“. По поводу этой книги о. Евгений, по дѣтскимъ воспоминаніямъ, замѣчаетъ слѣдующее.—„Насколько, вспоминаетъ онъ, было любимо школьниками „Родное Слово“, настолько было не занимательно для нихъ это „Начальное наставленіе“, выдержанное по совмѣстной системѣ расположенія матеріала и совершенно не приспособленное по изложенію къ дѣтскому пониманію“. А въ результатѣ занятій по этой книжкѣ получалось такое печальное явленіе: дѣти заучивали въ „Наставленіи“ параграфъ за параграфомъ не только безъ участія въ работѣ ихъ сердца, но даже и ума—безъ надлежащаго пониманія заучиваемаго. „На устныхъ урокахъ Закона Божія, воспоминаетъ о. Евгений, все было такъ хорошо, а въ книжкѣ содержалось что то совсѣмъ другое“. Отсюда понятно, что книга Закона Божія дѣтямъ не нравилась, а потому и брались они за нее безъ всякой охоты. Но, несмотря на это, уроки по этой книжкѣ дѣтямъ задавались, а разъ заданъ былъ урокъ, то дѣтямъ, хотя и механически и съ большимъ трудомъ, приходилось его выучивать. И дѣти, нужно отдать имъ въ этомъ полную справедливость, вполне добросовѣстно заучивали въ книжкѣ такіе мудреные слова, какъ „существо, предшочтительно, бедна, благоговѣйно“, смысла которыхъ они совершенно не представляли. А въ результатѣ всего этого дѣти и изучали Законъ Божій въ буквальномъ смыслѣ этого слова безъ любви къ Тому, о Комъ говорилось въ данной имъ для руководства при изученіи Закона Божія книжкѣ, что Онъ есть Любовь.

И эта книга до сихъ поръ употребляется въ школахъ въ сто третьемъ изданіи, содѣйствуя распространенію и укрѣпленію того мнѣнія, что „учившіяся дѣти во всѣхъ отношеніяхъ хуже неучившихся“, какъ писалъ Л. Толстой въ одной изъ своихъ педагогическихъ статей. Конечно, вина въ такой ненормальности учебнаго дѣла относится не къ одной книжкѣ „Наставленіе“, но часть вины, несомнѣнно, падаетъ на долю ей подобныхъ руководствъ по всѣмъ предметамъ школьнаго курса. Книжная и журнальная педагогика говоритъ о необходимости изученія дѣтской психики, дѣтскаго пониманія, дѣтскаго языка, а на дѣлѣ дѣтямъ предлагаются статьи, рассказы и картины, совершенно не приспособленныя къ потребностямъ и разумнѣю юнаго ума и слабо развитого чувства. Судьями въ этомъ дѣлѣ являются не дѣти, а взрослые педагоги, мѣряющіе достоинства произведеній по своему вкусу и дающіе ученикамъ не то, что поспѣшно послѣднимъ, а что кажется классическимъ для первыхъ.

Черезъ три года обученія въ школѣ о. Евгений окончилъ ея курсъ и получилъ установленное на этотъ предметъ свидѣтельство и похвальный листъ.

3. Въ Духовномъ училищѣ.

Евгеній Сосунцовъ,
ученикъ 1 класса Казанскаго
Духовнаго училища.

Въ августѣ 1880 года мальчики Сосунцова представили на экзаменъ для поступленія въ первый классъ, Духовнаго училища. При Духовномъ училищѣ тогда существовалъ приготовительный классъ, а потому ученики этого класса и являлись первыми кандидатами для замѣщенія ученическихъ вакансій въ первомъ классѣ. Для поступающихъ въ первый классъ училища со стороны обычно оставалось 2—4 вакансіи, а потому и поступить въ этотъ классъ училища являлось дѣломъ далеко не легкимъ. Въ 1880 году вакансій въ первый классъ было только четыре, а желающихъ поступить — въ нѣсколько разъ больше. Экзаменъ, такимъ образомъ, получался конкурсный: родители его весьма страшились, а дѣти, какъ это бываетъ обычно, своего положенія совершенно не сознавали и были веселы. Послѣ диктовки по русскому языку, стали экзаменовать по Закону Божію.

Строгіе экзаменаторы, неизвѣстно по какимъ педагогическимъ соображеніямъ, предлагали ученикамъ разсказывать ту статью изъ Свящ. исторіи, какую мальчикъ, по своему мнѣнію, знаетъ лучше всѣхъ другихъ. Такой же вопросъ былъ предложенъ и Сосунцову. Мальчикъ немного подумалъ и сталъ разсказывать исторію Іосифа. Въ этомъ разказѣ, по учебной книжкѣ того времени—Соколова. Іосифу характеризовался какъ человѣкъ „чистосердечный“, а его братья, какъ люди „жестокосердечные“. Въ лексиконѣ деревенскихъ мальчиковъ, каковымъ былъ и Сосунцовъ, такихъ словъ, конечно, не было, какъ отсутствуютъ они въ ихъ лексиконѣ и въ настоящее время. Вслѣдствіе этого, съ экзаменомъ по Закону Божію у Сосунцова оказалось не все благополучно.—Подъ вліяніемъ уподобленія въ представленіи, слово „чистосердечный“ при разказѣ исторіи Іосифа превратилось въ устахъ мальчика въ „чисто-ко-сердечный“. Суффиксъ „ко“ оказался въ рѣчи мальчика въ примѣненіи къ данному слову необходимымъ, и страннаго въ этомъ, съ нашей точки зрѣнія, ничего не было. Однако экзаменаторы взглянули на это совершенно иначе. Они рѣшили, что разъ ученикъ неправильно произноситъ слово „чистосердечный“, то, очевидно, онъ не понимаетъ и смысла самаго разказа. Не преминули они, вѣроятно, сдѣлать рядъ и дальнѣйшихъ выводовъ, въ родѣ того, что если ученикъ не понимаетъ того повѣствованія, которое онъ самъ

признаетъ наиболѣе себя знакомымъ, слѣдовательно другіе рассказы онъ знаетъ еще хуже... А отсюда уже недалеко до вывода, что вообще по Закону Божию онъ подготовленъ плохо. Такое же рѣшеніе могло привести г.г. экзаменаторовъ, наконецъ, къ такимъ выводамъ, что мальчикъ и его семья мало набожны, мало въ этой семьѣ церковности и т. д. Вотъ къ какимъ результатамъ могъ привести вопросъ экзаменаторовъ—разсказать то, что мальчикъ знаетъ всего лучше. Съ какой только педагогикой согласно предлагать ученику подобный вопросъ, да еще на вступительномъ въ училище экзаменѣ?! Вѣдь если бы подобный вопросъ также неожиданно, какъ это было на экзаменѣ съ мальчикомъ, предложить самимъ экзаменаторамъ, то едва ли и они сами рѣшились бы дать на такой вопросъ надлежащій отвѣтъ. Однако, по какому то счастью, за отвѣтъ по Закону Божию Сосунцову поставили „четверку съ минусомъ“, и конкурсъ кончился благополучно, хотя замѣчаніе на первомъ же отвѣтѣ и могло подорвать всякую энергію въ отвѣчающемъ.—Сосунцовъ былъ принятъ въ первый классъ Духовнаго училища.

Въ дальнѣйшей училищной жизни Сосунцова повторилась исторія, вполнѣ сходная съ эпизодомъ изъ дѣтства Темы, только болѣе грубая, а потому и болѣе плачевная. Тамъ въ „дѣтствѣ Темы“, у мальчика были все-таки заступники—отецъ и мать, люди большого общественнаго положенія, а здѣсь будучи отданъ въ бурсу, мальчикъ былъ предоставленъ только самому себѣ, у него не было близкихъ его сердцу родителей, не было и случайнаго покровителя. Грубая среда товарищей сейчасъ же стала издѣваться надъ скромнымъ деревенскимъ мальчикомъ: для перваго съ этимъ знакомства бурсаки дарили его щипками, пинками, кулаками. Что могъ предпринять въ свою защиту беззащитный мальчикъ? На всѣ обиды онъ могъ только развѣ на манеръ пѣтуха изъ сказки говорить въ душѣ, по отпуду не вступхъ—„несетъ меня лиса, за темные лѣса“. Никогда не жившій въ городѣ, окруженный съ дѣтства любящими и любимыми товарищами изъ простой деревенской среды, нѣсколько грубыми, но всегда искренними и чуждыми преднамѣреннаго издѣательства надъ товарищами, мальчикъ Сосунцовъ переживалъ въ бурсѣ тяжелое время. Попавъ въ толпу бурсаковъ разнаго возраста, среди которой наибольшей популярностью пользовались самыя отчаянные драчуны, сквернословы и воришки, нашъ питомецъ деревни здѣсь подвергся самымъ злостнымъ и самымъ грубымъ, „шуткамъ“ со стороны уже закрутившихъ въ бурсѣ своихъ новыхъ товарищей. Результаты этого вліянія сказались на Сосунцовѣ довольно скоро.—Новая обстановка, черствость школьнаго режима и грубость товарищей отбили въ Сосунцовѣ всякое желаніе заниматься здѣсь науками, и онъ, отъ природы даровитый, сталъ получать очень и очень невысокіе баллы за свои отвѣты преподавателямъ. Особенно это нужно сказать о латинскомъ языкѣ и пѣніи; эти предметы Сосунцову не давались по простой причинѣ: латинскій языкъ, о существованіи котораго на свѣтѣ деревенскій мальчикъ даже не слышалъ, пугалъ его своею мнимою трудностью изученія, а по пѣнію—его просто не ввели надлежащимъ образомъ въ курсъ предмета. Начатки пѣнія преподавались ученикамъ еще въ приготовительномъ классѣ, а такъ какъ въ первомъ классѣ въ своей массѣ были ученики, переведенные изъ класса приготовительнаго, то

учитель и продолжать дѣло далыне, совершенно не считаясь съ новинками, поступившими прямо въ первый классъ, а потому съ пачатками пѣнія совершенно не знакомыми. Между тѣмъ, стоило только показать хотя бы одинъ разъ новичкамъ ноты Обихода и объяснить ихъ значеніе, и они шли бы по пѣнію въ уровень съ другими. Но до какихъ то 3—4 новичковъ никому никакого дѣла не было. Преподавателемъ пѣнія были помощникъ смотрителя; отсюда понятнѣе, что и указать ему въ дѣлѣ его преподаванія никто не осмѣливался.

Манера требовать отъ учениковъ познаній, трудоспособности, вниманія безъ упражненія этихъ качествъ не оставлена педагогами и въ настоящую пору. Каждый учитель только требуетъ отъ учащихся соблюденія классной дисциплины, умѣнья правильно владѣть устной и письменной рѣчью, но самъ уроковъ требуемаго не даетъ. Въ „Домахъ ребенка“, учреждаемыхъ на основахъ свободнаго воспитанія, существуютъ особые уроки вниманія, тишины, соображенія, но такія попытки въ казенныхъ школахъ пока еще не примѣняются.

Въ скоромъ же времени по поступленіи въ училище на мальчишка Сосунцова потекли наказанія.—Въ спальнѣ одинъ изъ учениковъ захотѣлъ подшутить надъ новичкомъ и сѣлъ ему на лицо во время сна. Такой поступокъ товарища, конечно, не могъ не возмутить Сосунцова. Въ результатъ этого—завязалась драка, а съ нею и крикъ. На шумъ выскочилъ заспанный надзиратель, и начался судъ, а за нимъ и расправа. За драку надзиратель оставилъ обоихъ учениковъ безъ чая на недѣлю, хотя вина драчуновъ была далеко несомнѣнною. Но гдѣ же было педагогу вникать въ эти тонкости: онъ видѣлъ, что дрался оба, значитъ, оба одинаково и виноваты. Вопросъ же о томъ, чѣмъ была вызвана драка, его, видимо, не интересовалъ нисколько, а вѣдь тутъ то и заключалась вся сущность дѣтскаго столкновенія. Мы, взрослые, очень щепетильны по отношенію къ собственной персонѣ, къ собственному достоинству, а взглядами дѣтей мы часто не только не интересуемся, а даже намѣренно ихъ игнорируемъ. Въ этомъ нашъ большой грѣхъ. Интересно спросить г. „мудраго“ надзирателя, какъ онъ самъ сталъ бы поступать въ этомъ случаѣ, если бы кто оскорбилъ его подобнымъ образомъ? Не прибѣгнулъ ли бы и онъ въ этомъ случаѣ къ экстраординарнымъ мѣрамъ воздѣйствія на своего оскорбителя,—а вѣдь у мальчишка и выбора то средствъ этого воздѣйствія почти не было. Въ бурѣ кулакъ былъ единственнымъ средствомъ собственной защиты. За что же тогда, да еще такъ жестоко—на недѣлю безъ чая, былъ наказанъ Сосунцовъ? Но, ужъ таково было время, такова была школа, такова была ея „педагогика“.—Однако, на этотъ разъ дѣло этимъ не кончилось. По справедливой русской пословицѣ—„одна бѣда ведетъ за собой непрѣмнѣно другую“, Сосунцовъ, спрошенный вскорѣ послѣ драки съ товарищемъ по Свящ. Исторіи, перемѣнялъ въ десятой заповѣди „вола“ съ „осломъ“, поставивъ перваго послѣ втораго. Спутавшись, мальчишкѣ хотѣлъ поправиться, но, какъ это часто бываетъ, спутался еще больше: помѣстилъ „всякаго скота“ прежде обоихъ животныхъ, т. е. и вола и осла. Такое чтеніе десятой заповѣди вывело изъ терпѣнія батюшку, и тотъ влѣпилъ въ своего журналь нашего повичку „ядровый колъ“. Мальчишкѣ съ задрожомъ сталъ заявлять, что онъ знаетъ все, но за такую „дерзость“